

С. В. Луговой

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ КАНТА И ПРОБЛЕМА МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируются антропологические идеи Канта, его трактовка аффектов и страстей человеческой души. Утверждается, что все, несовместимое с разумом, в том числе страсти и аффекты, должно в религии играть второстепенную, подчиненную роль. Религиозные конфликты следует разрешать через апелляцию к общечеловеческим моральным ценностям и уменьшение давления компонентов идеологии религий, непосредственно не связанных с моралью.

This article analyses Kant's anthropological ideas, his interpretation of affections and passions of human soul. It is claimed that everything that is inconsistent with reason, including passions and affections, should play a secondary, subordinate role in religion. Religious conflicts should be resolved through an appeal to universal moral values and the decrease in the pressure of religion ideology components that are not directly related to morality.

Ключевые слова: философия религии Канта, философская антропология, мораль, межрелигиозные конфликты.

Key words: Kant's philosophy of religion, philosophical anthropology, morality, religious conflicts.

Религия — важнейший феномен жизни человечества, сопровождающий его на всем историческом пути и оказывающий влияние на все сферы жизни общества. В настоящее время значение религии в обществе возрастает. С одной стороны, этот процесс способствует проповеди общечеловеческих, гуманистических норм, лежащих в основе всех крупных религий: золотое правило нравственности, содержащееся в священных текстах почти всех народов, при известных оговорках [5, с. 105—114], призывает людей к гуманному равенству. С другой стороны, в истории немало примеров, когда религии приводили к конфликтам, санкционировали массовые убийства. Л. Н. Митрохин отмечает, что «каждая религия претендует на роль единственной наследницы и хранительницы божественной мудрости, на обладание абсолютной истиной и благодати, обеспечивающей спасение грешника. Поэтому она по определению не может быть толерантной в вопросах догматики и культа. Больше того, ее миссионерская активность предполагает обличение всех других вероисповеданий как “лжеучений”» [6, с. 17—18]. Кроме того, так как церковные догматы формулируются и истолковываются духовенством, между общечеловеческими моральными нормами, содержащимися в вероучении, и частными интересами духовного сословия возникают коллизии: «Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией... Это случилось во всех религиях» [8, с. 199].

По мнению М. В. Силантьевой, «межрелигиозные конфликты имеют в числе своих оснований ряд факторов, принадлежащих к разным сферам действительности. Это — собственно социальная сфера (атомарный социум), сфера культуры (межличностные отношения), сфера материальная (экономические отношения) и сфера духовная («вертикаль» общественного и личного сознания, его отношение к возможности существования «совершенства», превосходящего эмпирическое существование)» [7]. Кантовская идея моральной религии, коренящейся в практическом разуме человека, позволяет систематизировать эти факторы и наметить путь разрешения межрелигиозных конфликтов через проповедь общечеловеческих моральных ценностей.

Философия религии И. Канта выделяет и те аспекты религии, которые способствуют интеграции людей, проповедуя гуманизм, и те, которые разъединяют народы, приводят к конфликтам. Адресуя свои произведения прежде всего европейским читателям, Кант рассматривал главным образом роль христианства в обществе. В «Антропологии с прагматической точки зрения» — последней работе, которую Кант подготовил к печати самостоятельно, кёнигсбергский философ вскрывает причины, заставляющие людей отказываться в вопросах религии от следования голосу разума, тщательно исследует роль аффектов и страстей в религиозной практике, подвергает критике религиозное воспитание. А так как, с точки зрения Канта, религия приводит к столкновениям между людьми, если они перестают следовать своему практическому разуму, то все эти факторы значимы при возникновении религиозных конфликтов. Показательно

то, что заключительные абзацы «Антропологии...» посвящены рассуждениям о моральном прогрессе человечества и о препятствиях, которые ставит моральному улучшению человеческого рода религия, обособившаяся от морали.

Поведение человека, его воля в философии Канта определяются способностью желания. В «Антропологии с прагматической точки зрения» И. Кант анализирует способность желания, сопоставляя разум и аффекты, страсти души. Так как страсти и аффекты традиционно разуму противостоят, то Кант оценивает действие страстей и аффектов на человека негативно, по его словам, это болезнь разума. Причем аффекты Кант сравнивает с апоплексическим ударом (их действие проявляется внезапно, и человек не в силах им противостоять), а страсти — с чахоткой или истощением (они действуют медленно, но постоянно, с ними человек в состоянии бороться, хотя это нелегко).

Аффекты, по Канту, делают человека слепым, они не позволяют ему рассуждать. Однако в религии опытный проповедник в своей зажигательной речи может вызывать аффекты у своих слушателей для оживления их представлений о морально добром, для вызова морального энтузиазма. Аффектами сопровождается революция в сердце верующего человека, осознание своей готовности служить добру. Правда, само это служение может проходить только под руководством разума. Если в религии преобладают аффективные проявления души и именно им отдается предпочтение, то это ложная религия, противостоящая религии в пределах только разума и приводящая к религиозным конфликтам.

Страсти Кант определяет как склонности, которые мешают разуму при том или ином выборе сравнить их с суммой всех других склонностей. Страсть означает предпочтение склонностей в ущерб разуму, это «раковая опухоль для чистого практического разума» [1, с. 152]. Страсти Кант разделяет на естественные (жажда свободы и половое влечение) и на связанные с культурой (честолюбие, властолюбие и корыстолюбие); вне этой классификации располагается чрезмерная склонность к иллюзиям. Все эти страсти оборачиваются несвободой, рабством внешних целей, злым, морально дурным поведением. Использовать страсти в прагматических целях нельзя, их можно только обуздывать. В религии страсти порождают лжеслужение Богу, то есть такую религию, где основными становятся неморальные практики. Понятно, что такая религия ведет к столкновениям с представителями других конфессий.

В «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант подвергает критике страсть к фальшивому благочестивому смирению перед священником. Она связана с честолюбием и ложью: это стремление приобрести хорошую репутацию недозволенными средствами, через создание видимости благочестия. Также в данной работе Кант подвергает критике умерщвление плоти отшельником. Это ложная добродетель, склонность, преступившая меру и превратившаяся в страсть. Кроме того, отшельничество неприемлемо и потому, что оно ничего не дает для общественного блага, а мораль и моральная религия у Канта связаны с общественной жизнью, мораль рассматривается им как сущность социальности.

Склонность к иллюзии Кант определяет как способность принимать субъективное в побудительной причине за нечто объективное. Такое определение отсылает читателей к «Религии в пределах только разума», в которой Кант утверждает, что моральная религия нуждается для оживления моральной практики в идее Бога, и Бог выступает в ней в качестве морального идеала. Но если мы принимаем эту идею за нечто реально существующее, наделяем ее какими-то качествами, привнесенными из опыта, то попадаем в ситуацию антропоморфизма в религии, то есть в ситуацию лжеслужения. Антропоморфизм в религии возникает из-за того, что «для разумного существа мы не можем мыслить какой-либо другой подходящий образ, кроме образа человека» [1, с. 64].

В сфере теоретического разума гипостазированное понятие «Бог» может стать истинным источником всякого противоречащего морали неверия. Аналогия между Богом и человечеством оправдана только в ситуации, когда человек для себя проясняет моральный смысл понятия о верховном существе, задумывается о существенных чертах человечества в их предельном состоянии. Здесь под «понятие, которое может мыслиться только разумом и которому не может соответствовать никакое чувственное созерцание, подводится такое созерцание, при котором образ действий способности суждения согласуется с тем образом действий, какой она наблюдает при схематизации, только по аналогии, то есть согласуется с ним только по правилам этого образа действий, а не по самому созерцанию, стало быть, только по форме рефлексии, а не по содержанию» [2, с. 373]. Если же пытаться рассуждать о Боге как о вещи самой по себе, то мы имеем дело не с аналогией, а со скачком, то есть произвольно предписываем неизвестному объекту человеческие качества.

В «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант подобное перепрыгивание всей лестницы опыта, погоню за принципами, которые могут быть совершенно свободны от критерия опыта, воображаемое постижение непостижимого прямо называет безумием. Человек, разгадывающий сверхчувственные силы природы, постигающий тайны Святой Троицы, равно как и изобретатель вечного двигателя, страдает «систематическим помешательством» [1, с. 101–102]. Эта душевная болезнь коренится в склонности «принимать игру представлений внутреннего чувства за опытное познание, тогда как это только вымысел» [1, с. 48]. Безумством Кант называет и мнимую способность к общению с высшими существами. Правда, по цензурным соображениям философ здесь вынужден прибавить, что святые люди, быть может, способны к таким сверхчувственным созерцаниям. Тем не менее разумный человек «не воображает, будто бы и сам он относится к числу этих избранников, да и не выражает такого желания, следовательно, исключает себя из их числа» [1, с. 104]. Увлечение иллюзиями лишает человека способности мыслить критически, делает его невосприимчивым к другим мнениям, в религии оно способствует лжеслужению и провоцирует конфликты.

Поэтому, по Канту, в делах религии чрезвычайно важно сохранять способность пользоваться своим собственным умом: «Для каждого морального суждения (стало быть, и для религии) человек нуждается в разуме и не может полагаться на постановления и общепринятые обычаи» [1, с. 85]. Так как в моральной сфере каждый должен отвечать за свое поведение, и истинная религия с моралью совпадает, то каждый человек должен сам решать, и какой поступок греховен, и какой добродетелен, а не безоговорочно доверять в этом вопросе суждениям духовенства. Однако большинство людей как во времена Канта, так и в настоящее время считают, что в делах морали и религии надежнее не применять свой разум, а пассивно и послушно следовать готовым предписаниям. Люди делают это не из-за своей неспособности разобраться в морали (по Канту, практическая сфера добродетельного поведения сама собой становится ясной для каждого человека), а из желания в случае каких-то неудач иметь возможность свалить всю вину на другого и подменить тяжелую обязанность вести добродетельную жизнь простым исполнением культа.

Этому негативному обстоятельству способствует желание духовенства строго держать мирян под опекой: «Народ не имеет ни голоса, ни мнения в решении вопроса о своем пути к Царству Небесному. Чтобы попасть туда, ему собственные глаза не нужны, его ведут туда другие, и хотя ему в руки дают Священное писание, чтобы он мог читать своими глазами, его наставники в то же время предупреждают его, что “в Священном писании следует находить только то, что требуют находить в нем они, наставники”; и вообще механическое обращение с людьми под управлением других есть самое надежное средство соблюдения законного порядка» [1, с. 95]. По Канту, необходимо изменить эту ситуацию, произвести революцию во внутреннем мире человека, которая выведет его из состояния несовершеннолетия.

В «Антропологии...» Кант обращает внимание своих читателей на то, что Библия редко истолковывается с помощью практического разума, этому мешают многие обстоятельства. Например, традиционно в религиозном обучении акцент ставится на изучении содержания священных книг. Моральность, добродетельное поведение в нем сводится к знанию и исполнению божественных заповедей, содержащихся в Писании. По Канту, это извращенная и нецелесообразная позиция, способствующая не добродетели, а культуре памяти. Разум предписывает сначала ознакомить человека с моральностью и ее законами, а затем продемонстрировать ему применение этих законов в истории человечества. Альтернативный путь — из истории выводить мораль — по Канту, ведет в тупик. Механическое зазубривание священных текстов, использование картинок, ассоциативное запоминание библейских фраз делает учеников «еще больше ребяческими» [1, с. 70]. А разыгравшееся воображение людей начинает наделять мистическим содержанием решительно все в библейских текстах: число семь «как бы а priori определяет с полной точностью исторические периоды, как будто не хронология должна соотносываться с историей, а, наоборот, история с хронологией» [1, с. 80–81]. Впрочем, по Канту, воображение не может помыслить для разумного существа иной образ, кроме образа человека: «...ваятель и живописец, пытаясь изображать ангела или Бога, всякий раз создают его в виде человека» [1, с. 64]. Разумность — это качество, делающее человека равным Богу.

Руководство практического разума в общественной жизни, следование моральной религии позволяет человечеству двигаться вперед, осуществлять моральный прогресс. Однако если «мораль не предшествует религии, то религия приобретает власть над моралью, а статутарная религия становится орудием государственной власти (политики) при деспотизме в области веры» [3, с. 216]. Такая ситуация не совместима с моральным прогрессом и пагубно отражается в истории народа. Например, упадок Византии Кант связывает со слиянием церкви и государства, светская

власть папы привела в Италии к появлению права убежища убийцы в священных местах, к возникновению «презренной должности сбиров», одновременно исполняющих обязанности и инквизиторов, и полицейских.

Заблуждающаяся, противоречащая морали церковь выдает статуты, необходимые для поддержания ее существования, за божественные предписания (они нашему чистому моральному суждению представляются произвольными и случайными). Такая церковь основывается только на вере Откровения и тем не менее пытается претендовать на мировое господство (хотя исторической веры нельзя требовать от каждого). Для такой церкви, скорее, имеет значение не внутренняя моральная ценность поступков, а внешнее совершение их для Бога, и тем самым угождение ему хотя бы пассивным послушанием даже и при индифферентности их в моральном отношении. Для Канта все существующие разновидности христианства, равно как и любой другой религии, содержат подобные недостатки, они уводят своих последователей от истинной моральной религии, подменяя ее содержание второстепенными внешними установками и обрядами.

Христианство становится аморальным, если элементы церковной веры в нем становятся определяющими. В таком случае оно также служит препятствием для межкультурной коммуникации и может провоцировать религиозные конфликты. К сожалению, «история христианства в том, что касается благодатного воздействия, которого с полным правом можно ожидать от моральной религии, отнюдь не служило к его рекомендации» [4, с. 141]. Кант говорит, что нам не известно, какое влияние оказывало раннее христианство на моральность своих приверженцев, но его деятели для популяризации новой религии включили в нее историю иудейства. В дальнейшем эти элементы вошли в число существенных артикулов веры, приобрели на соборах законную силу. Поэтому христианство стало статутарной религией. Статутарный компонент не может быть всеобщим, и прежде единая религия раскололась на множество вер, разногласия между второстепенными видами церковной веры не раз заливали мир кровью. Споры о вере велись без призвания в истолкователе чистого разума, поэтому согласия в них найдено не было. На Востоке (Кант имеет в виду православную церковь Византии) государство вместо ученых регулировало статуты веры. Без руководства разумом реформы догматов привели к тому, что «это государство в конце концов самым неизбежным образом должно было стать добычей внешних врагов, которые уничтожили наконец господствующую в нем веру» [4, с. 141]. На Западе вера взошла на свой собственный, независимый от мирской власти трон. Папа поколебал гражданский порядок, сделал бессильными науки, его поддерживающие, он подстрекал королей на опустошительные войны в других частях света, поощрял возмущение подданных против господ и «кроважидную ненависть против иначе думающих, приверженцев одного и того же всеобщего так называемого христианства» [4, с. 142]. Католическая церковь выдавала свою церковную веру за общеобязательную, у нее появились противники, стремящиеся оградить себя от подобных притязаний со стороны других — протестантские церкви. Поскольку спор шел прежде всего о статутарных положениях или произвольной обрядности, отличия между протестантами и католиками, православными или язычниками невелики: «Между тунгусским шаманом и европейскими прелатами, управляющими одновременно и церковью, и государством, или... между совершенно чувственным *вогулом*... и утонченными *пуританами* и *индепендентами* в *Коннектикуте* есть, правда, значительное различие в манере веровать, но отнюдь не в *принципе*. Ведь что касается последнего, то все они принадлежат к одному и тому же классу, а именно к классу таких людей, которые свое служение Богу полагают в том, что само по себе не делает никого из них лучше» [4, с. 190—191]. Человек, истинно служащий Богу, по Канту, должен лишь соблюдать все свои моральные обязанности. Действия, предназначенные исключительно для Бога, не важны и в принципе не нужны. Подобным действием Кант считает веру в чудо, в тайны и в средства сыскания благодати, к которым относит молитву, посещение церкви, крещение и причастие и которые могут быть оправданы только как способствующие улучшению моральности человечества. Так, молитва должна побуждать оживление мыслей, направленных к нравственному образу жизни. Церковь с ее таинствами должна поддерживать идею морального общества, чувственно ее изображать. Сами по себе эти церемонии священнодействиями не являются. Статутарная церковь, придающая не цели, а средству самодовлеющее значение, совершает предосудительное действие; истинная историческая церковь «наряду со статутарными догматами, без которых она до сих пор не может полностью обойтись, должна вместе с тем заключать в себе принцип — вводить религию доброго образа жизни как настоящую цель, чтобы впоследствии иметь возможность обойтись и без первых» [4, с. 189—190].

По Канту, только чистая религия представляет собой необходимое явление человеческого сознания: в разуме всегда возникает идея Бога как символа морали. Эта идея представляет собой явление человеческого духа и лежит вне конфессий. Всемирно-этическая религия Канта выступает как единая вера для всех разумных существ, к которой, как к идеалу, должны стремиться все люди. Кантовское этическое общезначение, представляющее собой моральное Царство Божие, должно быть всеобщим единением на основе только моральных, а не каких-либо других побуждений, то есть отношения его членов строятся на основе принципа свободы, и поэтому они общи для всех разумных существ и не меняются во времени. Ориентация на этот идеал, общий для всех разумных существ, способна разрешить сложности в межкультурной коммуникации, возникающие на религиозной почве, нивелировать межрелигиозные конфликты. Интерпретация Библии в соответствии с моральными принципами является практической задачей, облегчающей взаимодействие и внутри христианской культуры (между различными конфессиями), и между христианской и нехристианскими культурами.

Таким образом, в «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант еще раз подчеркивает тесную взаимосвязь между практическим разумом, моралью и религией. Все, что не совместимо с разумом, в том числе страсти и аффекты, должно играть в религии второстепенную, подчиненную роль. Иррациональный мистический опыт сродни патологическим состояниям человеческой психики, его ни в коем случае нельзя поощрять. Церковное обучение должно сначала пробудить в ребенке практический разум и только затем знакомить со священными текстами. Все это позволяет сделать вывод, что содержащиеся в «Антропологии...» кантовские суждения о религии способны помочь практике разрешения межрелигиозных конфликтов, уменьшая давление идеологии религий, апеллируя к общечеловеческим моральным ценностям.

Список литературы

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Избранное: в 3 т. Калининград, 1998. Т. 3.
2. *Его же*. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 5.
3. *Его же*. Письмо Лафатеру от 28 апреля 1775 г. // Там же. Т. 8.
4. *Его же*. Религия в пределах только разума // Там же. Т. 6.
5. Луговой С.В. Золотое правило нравственности в свете философии религии И. Канта // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2006.
6. Митрохин Л.Н. Религия и терроризм // Терроризм и религия. М., 2005.
7. Силантьева М.В. Некоторые аспекты философско-методологических оснований исследования региональных межрелигиозных конфликтов. URL: http://isras.ru/abstract_bank/1208457227.pdf
8. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989.

Об авторе

С.В. Луговой — канд. филос. наук, ст. преп. кафедры философии исторического факультета Российского государственного университета им. И. Канта, e-mail: pratenses@mail.ru

Author

Dr. S. Lugovoy, Assistant Professor, Department of Philosophy, Faculty of History, IKSUR, e-mail: pratenses@mail.ru